

На правах рукописи

A handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke.

АШРАФИ РАД МАХМУД

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А.С. ГРИБОЕДОВА
КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент **Якибова Дильбар Урунбековна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор **Ауэр Александр Петрович**,
*Московский государственный
областной социально-гуманитарный институт*

кандидат филологических наук,
доцент **Гогина Любовь Петровна**,
*Московский институт телевидения,
радио «Останкино»*

Ведущая организация: **Московский городской педагогический университет**

Защита состоится «17» июня 2011 г. в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.203.23
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.

Автореферат размещен на сайте РУДН (www.rudn.ru)

Автореферат разослан 16 мая 2011 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Е. Базанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования определяется все возрастающим интересом современного литературоведения к семиотической методологии исследования, позволяющей обнаруживать новые пласты смыслообразования в объектах исследования. В работе события или факты, констатированные в пространстве культуры, приобретают значение не сами по себе, а как часть определенной системы семиотических координат. В результате такого подхода жизнь и творчество А.С.Грибоедова, включенные в семиотическую парадигму исследования, начинают восприниматься как знаковые события в культурно-историческом пространстве России 20-х годов 19-го века. Такого подхода требует главный принцип семиотики, согласно которому событие или явление занимает определенное место в системе, которое и придает ему соответствующее значение. Само место в системе определяется оппозициями, отличающими данное событие или явление от других, определяемых иными оппозициями, и соответственно, имеющих иные значения.

Дружеское окружение, общественные и литературные связи А.С. Грибоедова составляют семиотическую оппозицию к его смерти и последующему восприятию его творчества и общественной деятельности научным литературоведением и читателями. Личность Грибоедова как литератора и общественного деятеля может быть осознана адекватно и полно только в результате семиотического снятия этой оппозиционности: героическая смерть явилась закономерным следствием жизни (восполнением жизни), литературная и общественная деятельность стала таковой для потомков как следствие осознанной процедуры исследования этой деятельности (восполнением деятельности). И в том, и в другом случае оппозиционность на выходе исследования должна быть снята для достижения гармоничного результата.

В диссертационной работе исследуемыми событиями являются факты жизненного и творческого пути Александра Сергеевича Грибоедова, а системой

координат выступает культурное пространство, современное Грибоедову, а также во многих случаях — культурное пространство, современное для исследователей, которые занимались его творчеством.

Таким образом, **объектом** исследования является жизненный и творческий путь А.С. Грибоедова, а **предметом** — его семиотическая проекция, т.е. рассмотрение фактов жизни и творчества в семиотической парадигме исследования. Подобное диссертационное исследование до сих пор не осуществлялось, что и является фактором актуальности и новизны работы.

В настоящей диссертационной работе производится теоретическое осмысление проблем семиотики, репрезентации и функционирования фактологического и художественного материала, касающегося жизни и творчества А.С. Грибоедова, в семиотической парадигме исследования.

В основе исследования лежит семиотический подход, его терминология и установки, разработанные Ч.Пирсом, Ф.де Соссюром, Ч.Моррисом, Р.Бартом, Ю.М. Лотманом, У.Эко. Но основополагающими для исследования стали работы Ю.М. Лотмана, посвященные семиотике поведения, как наиболее близкие по проблематике нашей работе. Факты жизни и творчества Грибоедова предстают как знаки, обладающие динамическим, семантическим, историко-литературным и культурологическим планами содержания и планами выражения.

Этим обусловлена поставленная в работе **цель** — представить факты жизни и творчества А.С. Грибоедова в семиотической парадигме исследования, определив основные оппозиции, значимые для интерпретации.

В работе, исходя из этого, был поставлен ряд **задач**:

— рассмотреть идеи московско-тартуской семиотической школы применительно к тексту и литературоведению как особой сфере семиотического исследования;

— представить жизнь и творчество А.С. Грибоедова как семиотический объект;

— представить смерть А.С. Грибоедова как семиотический объект исследования.

Научная разработанность проблемы. Российская критика XIX века уделяла крайне мало внимания семиотической стороне жизни и творчества А.С. Грибоедова, поскольку идеи динамического восприятия текста в культуре были тогда не сформированы. Внимание уделялось конкретным аспектам его сочинений, и прежде всего главному — комедии «Горя от ума». Исследователи концентрировались на обсуждении вопросах ума, исторической роли Чацкого и авторского отношения к герою.

Таким образом, нужно признать, что грибоедоведение остается одной из наиболее развитых отраслей науки о литературе. Но вместе с тем, большинство исследователей воспринимают текст «Горя от ума» в значительной оторванности от автора, в прямой связи с которым его следует рассматривать. Такой подход может быть реализован в рамках семиотического исследования, предполагающего тесную связь автора и его текста. Восполнению этого пробела посвящено наше исследование.

Научная новизна исследования обусловлена неизученностью материала в данном аспекте и поставленными задачами. Данная диссертация представляет собой одну из первых попыток применения семиотического анализа к жизни и творчеству А.С. Грибоедова в контексте его произведений и культурной реальности, образующих семиотическую систему координат.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Идеи московской-тартуской семиотической школы представляют эффективный метод целостного восприятия текста, благодаря концепции динамического восприятия текста, предполагающей единство автора и его текста.

2. Семиотические оппозиции представляют собой наиболее значимые ориентиры в восприятии главных смысловых элементов, как текста, так и творческого и жизненного пути автора. Их единство является условием

корректной интерпретации в различных, в т.ч. отдаленных во времени и новых условиях культурного пространства.

3. Некоторые проблемы традиционного грибоедоведения получают новую перспективу интерпретации при рассмотрении их как семиотических объектов (вопрос о происхождении, о гениальности, об отношении к декабризму, о смерти).

4. Выделение семиотического объекта зависит от субъективной позиции исследователя, создающего свой динамический текст. Его интерпретации составляют главный элемент формирования культурного пространства вокруг аутентичного авторского текста.

5. Условием непротиворечивой интерпретации фактов жизни и творчества А.С. Грибоедова является целостность семиотической системы оценок и мнений, опирающейся на культурные семиотические коды.

Основным **методом** исследования является семиотический подход к тексту, сложившийся в русле московско-тартуской семиотической школы, и прежде всего, подход самого Ю.М.Лотмана. В качестве основы была взята общая модель коммуникативного акта, принятая в теории информации (Отправитель—Сообщение—Адресат).

Объем и структура диссертации. Работа состоит из вступления, трех глав, заключения и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается **общая характеристика работы, обосновывается** ее актуальность и научная новизна, формулируются цели и задачи, описывается источниковая и методологическая база, теоретическая значимость, практическое значение, апробация и структура.

В **первой главе** «Идеи московско-тартуской семиотической школы в литературоведении» выясняется значение семиотического подхода в рамках данной школы (в основном, ее главы — Юрия Михайловича Лотмана) для

литературоведческого исследования, а также применимость этих идей к творческому и жизненному пути А.С. Грибоедова (как это сделано Лотманом по отношению ко многим другим авторам и их творчеству).

Свою концепцию динамического аспекта семиотики Ю.М. Лотман дает в работе «Культура и взрыв». «Язык — это код плюс его история», — пишет он, отвергая уже ставшее традиционным структуралистское рассмотрение языка только как кода [Лотман 1992:24].

Впервые основные идеи концепции динамического текста Ю.М. Лотман предложил в работе «Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума» [Лотман 1977]. Здесь он подчеркивал значимость многообразия индивидуальностей для общества, поскольку наличие разных людей позволяет предлагать не одно решение, а разные варианты его, что особенно важно в ситуации неопределенности, в которых живет человеческое общество. В те годы эти слова звучали особенно необычно в условиях принципиального занижения индивидуального, личностного начала, характерного для тоталитарного общества.

В приведенной книге Лотман описывает культуру как целостный механизм. В ее сущности он видит динамический элемент двух видов — эволюцию и взрыв. Каждая новая школа, каждое новое направление — это взрыв, поскольку он не был предсказуем. Поэтому явления культуры признаются авторскими в отличие от технического мира, где из-за эволюционного характера изменений авторство не столь значимо. «Дело в том, что творчество даже плохой певички — личное по своей природе, — пишет Ю.М. Лотман. — Творчество даже хорошего инженера как бы растворяется в общем анонимном потоке техники. Если бы мост провалился, фамилию инженера, наверное, запомнили, потому что это было бы недюжинное событие. Хороший мост растворяется в общем потоке уровня техники» [Лотман 1977:41].

Здесь Ю.М. Лотман поднимает вопрос о деавтоматизации восприятия, характерной для литературного произведения, которое характеризуется

неоднозначностью. «Художественный текст не имеет одного решения, поэтому бессмысленно говорить, что эту симфонию я уже слышал, хотя возможно, эту задачу я уже решил».

В каждый момент времени любое общество имеет свои модели сигнификации и свои модели коммуникации, признавая одни из них более центральными, другие, относя к периферии. Общество борется за то, чтобы признать те или иные тексты более правильными, нужными. Одни из них начинают вытеснять другие, осуществляя это за счет внимания критики, внесения в списки для обязательного чтения в школе и в университете и т.п.

Такой подход к вопросу о неоднозначности и динамическом континууме восприятия, в котором все время пребывает авторский текст, всецело приложим к неоднозначности понимания «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Как известно, споры вокруг содержания этого текста, названного автором комедией, не утихают по сей день. Авторы, высказывающиеся по этому поводу, не могут прийти к однозначной точке зрения по ряду вопросов: роль Чацкого в комедии, образ Софьи, образ Молчалина, образ фамусовской Москвы, позиция автора и пр.

По-видимому, А.С. Грибоедов создал «динамический» — в интерпретации Лотмана — текст, как, впрочем, поступает и любой автор, оставивший свой след в литературной истории. Ситуация с А.С.Грибоедовым, вероятно, более рельефно отображает семиотическую идею Лотмана о динамике создания, восприятия и интерпретации текста, не равному самому себе в коммуникативном континууме.

Эти идеи осознаются на фоне замечания У. Эко, который выделил в качестве двух базовых семиотических сфер сигнификацию и коммуникацию, но оставил вне внимания третью сферу — динамику, под которой следует понимать законы смены моделей сигнификации и коммуникации как в одно время, так и в разные исторические периоды. В работе подчеркивается, что смысл классического семиотического подхода к культурным фактам состоит в том, чтобы рассматривать события или факты в аутентичной системе

семиотических координат. Поэтому в работе исследуются факты творческого и жизненного пути Александра Сергеевича Грибоедова, системой координат при этом выступает культурное пространство, современное Грибоедову, а также во многих случаях учитывается культурное пространство, современное для исследователей, которые занимались его творчеством.

Текст, по мысли Лотмана, обнаруживает свойства интеллектуального устройства: он не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые.

В этих условиях социально-коммуникативная функция текста сводится к следующим процессам:

1. Общение между адресантом и адресатом. Текст выполняет функцию сообщения, направленного от носителя информации к аудитории.

2. Общение между аудиторией и культурной традицией. Текст выполняет функцию коллективной культурной памяти. В качестве таковой он, с одной стороны, обнаруживает способность к непрерывному пополнению, а с другой, к актуализации одних аспектов вложенной в него информации и временному или полному забыванию других.

3. Общение читателя с самим собою. Текст, что особенно характерно для традиционных, древних, отличающихся высокой степенью каноничности текстов, актуализирует определенные стороны личности самого адресата. В ходе такого общения получателя информации с самим собою текст выступает в роли медиатора, помогающего перестройке личности читателя, изменению ее структурной самоориентации и степени ее связи с метакультурными конструкциями.

4. Общение читателя с текстом. Проявляя интеллектуальные свойства, высокоорганизованный текст перестает быть лишь посредником в акте коммуникации. Он становится равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности. И для автора (адресанта), и для читателя (адресата) он может выступать как самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге.

5. Общение между текстом и культурным контекстом. В данном случае текст выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта — источника или получателя информации. Причем, поскольку культурный контекст — явление сложное и гетерогенное, один и тот же текст может вступать в разные отношения с его разными уровневыми структурами. При этом тексты, как более стабильные и отграниченные образования, имеют тенденцию переходить из одного контекста в другой, как это обычно случается с относительно долговечными произведениями искусства: перемещаясь в другой культурный контекст, они ведут себя как информант, перемещенный в новую коммуникативную ситуацию, — актуализируют прежде скрытые аспекты своей кодирующей системы. Такое «перекодирование самого себя» в соответствии с ситуацией обнажает аналогию между знаковым поведением личности и текста. Таким образом, текст, по мысли Лотмана, с одной стороны, уподобляясь культурному макрокосму, становится значительнее самого себя и приобретает черты модели культуры, а с другой, он имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности.

При таком подходе автор и читатель включаются в рамки текста, однако не как реальные полюсы акта сообщения, но как «актантные роли» этого сообщения. Применительно к роли читателя «всякий текст есть некое синтактико-семантико-прагматическое устройство, чья предвидимая интерпретация есть часть самого процесса его создания» [Лотман 1977:129]. Анализ таких «предвидимых интерпретаций» различных произведений — главное содержание большинства литературных анализов, которые дает Ю.М.Лотман литературным произведениям. Заметим, что именно Лотман наиболее последовательно из всех представителей московско-тартуской семиотической школы придерживается схемы «Отправитель—Сообщение—Адресат» в своих теоретических и прикладных построениях. Таким образом, в центре внимания семиотической процедуры исследования оказываются автор как историческая личность, сам текст и читатель, приуроченный к

определенной исторической эпохе и культуре. Границы текста как последовательности знаков расширяются и на передний план выступает понятие культурного факта во всем многообразии его связей и отношений.

Во **второй** главе «Жизнь и творчество А.С. Грибоедова как семиотический объект», согласно логике работы, рассматривается жизнь и творчество А.С. Грибоедова в семиотической перспективе. Исследуются дружеское окружение, общественные и литературные связи автора «Горя от ума», которые составляют семиотическую оппозицию к его смерти и последующему восприятию его литературной и общественной деятельности.

Семиотическая перспектива исследования предполагает выделение нескольких оппозиций. В работе рассматриваются следующие: «Гениальность—заурядность», «Законное — незаконное рождение», «Дворянское — недворянское происхождение», «Декабрист—противник декабризма».

В ходе рассмотрения указывается на некоторые проблемы изучения творчества Грибоедова, которые возникают в связи с вышеуказанными оппозициями, и делается попытка снять ряд проблем при переходе в категорию семиотического объекта.

Так, оппозиция «Дворянское — недворянское происхождение» исследуется нами с точки зрения фактов культуры, составляющих подлинную систему координат для данной культурной оппозиции.

Здесь возникает вопрос, почему нет ни одного прямого указания ни в письмах, ни в мемуарах о подробностях происхождения А.С. Грибоедова.

В.П. Мещеряков, один из наиболее значительных исследователей биографии и творчества А.С. Грибоедова, предлагает видеть в этом разгадку тайны его рождения. Дело в том, что никто не знал подлинного отца А.С. Грибоедова — его мать Настасья Федоровна сохранила его имя в тайне. Странно, что до В.П. Мещерякова никто из биографов писателя не коснулся такой важной подробности. Выясняется, что причиной этому было, скорее всего, то, что история рождения Грибоедова выходила за рамки принятых в

обществе приличий, поэтому факт отцовства тщательно скрывался. В этой истории нет упоминания об отце Грибоедова во избежание дискредитации Настасьи Федоровны и ее родни.

Получается, что определение истинного года рождения Грибоедова связано с разрешением ряда вопросов, построенных на бинарных семиотических оппозициях, свойственных культурному пространству эпохи.

Разрешение загадки о времени рождения Грибоедова помогает понять, что заставило его в 1818 году «круто поворотить свою жизнь» [Пушкин 1964:668]. Испытавший сильное потрясение после гибели Шереметева, своего близкого друга, Грибоедов отказывается от светского образа жизни, решает начать новую жизнь и в качестве первого шага указывает подлинный год своего рождения (1790). Это была нравственная акция: доказать самому себе твердость в неукоснительном следовании правде, которой он решился быть верен в новой жизни. Конечно, это был акт гражданского мужества в условиях дворянского табуированного общества начала XIX-го в. Надо было обладать романтической отвагой, чтобы в фамусовской Москве заявить о сомнительной законности своего рождения.

Таким образом, обозначенная нами первая оппозиция («гениальность—заурядность») заменяется другой — «законное—незаконное рождение». Факт подтверждения незаконного рождения самим Грибоедовым проясняет, каким образом Грибоедов был однокашником по Благородному университетскому пансиону таких талантливых юношей, как Д.В. Дашков, Н.И. Тургенев, А.И. Якубович, С.П. Трубецкой, зачисленных в пансион в 14—16 лет, учился не менее успешно, чем они, и даже выделялся в их рядах, получая награды за учебу.

Тогда в ином свете предстают и московские наблюдения над миром фамусовых, молчалиных и скалозубов, которые принадлежали человеку с определенным житейским и нравственным опытом. В результате снимается примитивный миф о мальчике-вундеркинде и появляется возможность утверждать, что «Горе от ума» – это произведение, созданное зрелым автором.

В свою очередь, оппозиция «декабрист — противник декабризма», столь важная для представителей советского литературоведения, в ходе нашего исследования теряет свою ригористичность: в действительности Грибоедов не был противником, но и не принадлежал к числу сторонников декабризма. Возможно, именно в этом проявилась свойственная Грибоедову рефлексия. Его политические взгляды, формировавшиеся в процессе общения с «молодыми вольнодумцами», хотя и были близки к программе декабристов, но — в главном — были глубже, что не позволило ему всецело примкнуть к их движению. Недаром Пушкин называл Грибоедова «одним из самых умных людей в России»

В **третьей главе** «Смерть А.С. Грибоедова как семиотический объект» исследуются семиотические идеи смерти героя и возможности их применения к гибели А.С. Грибоедова.

Смерть Грибоедова рассматривается как семиотическая возможность осознания достигнутых во время Грибоедова классических принципов ответственности личности за свою жизнь перед смертью. Недаром А.С. Пушкин, говоря о гибели Грибоедова, говорит при этом о его жизни, осознавая смерть через его жизнь: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни, — писал Пушкин.— Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного, Она была мгновенна и прекрасна». Так границы текста, как и границы жизни, придают смысл знакам и знаковым системам, в том числе художественным. Ю.М.Лотман в статье «Смерть как проблема сюжета» отмечает, что история культуры — это история «борьбы с концами», инструментами этой борьбы являются мифология, религия, искусство, и сама жизнь: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей, но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и не любопытны».

Таким образом, как определяется в нашем исследовании, в смерти Грибоедова участвуют следующие знаковые элементы, позволяющие

осознавать это событие в рамках единой семиотической системы: мера ответственности за свои деяния, написанное им гениальное «Горе от ума», последние героические минуты жизни.

Первый элемент прежде всего отсылает к вопросу об участии А.С. Грибоедова в деятельности декабристов и связанных с этим обстоятельствах. Именно там писатель, поэт и дипломат проявляет наибольшую ответственность, на которую проецируется его гибель и посмертное осознание его деятельности. Вопрос о декабризме Грибоедова, в свою очередь, тесно связан с содержанием и интерпретацией комедии «Горе от ума» (второй элемент), что подчеркивается как М.В. Нечкиной, так и другими исследователями. В Персии 30 января 1829 года, героически сражаясь, погиб не просто дипломат, а автор бессмертной комедии и человек, имевший определенное отношение к декабризму.

Тема «Грибоедов и декабристы», определяющая главную семиотическую константу жизни/смерти автора «Горя от ума», остается одной из магистральных тем современного грибоедоведения. Если даже она не вынесена в заглавие того или иного исследования, посвященного изучению жизни и творчества великого драматурга, то все равно присутствует в подтексте и определяет тональность работы.

Семиотика смерти А.С. Грибоедова предполагает включение конкретного в более общее: частный случай смерти определяется через общий культурно-семантический код, свойственный области смерти в культуре. Как и вообще в семиотике, априорно мыслимая система координат определяет параметры приписывания значений (исчисления значений) для отдельного факта, вовлекаемого при исследовании в данную систему.

В работе подчеркивается, что XVIII–начало XIX-го в. можно считать вершиной осознания смерти не только как лично значимого события во всей его серьезности и ответственности. Этим осознанием романтической ответственности личности перед лицом смерти, достигнутым в культурно-семиотическом пространстве, период конца XVIII–начала XIX-го в. отличается

от последующего времени, поскольку уже в XX-м веке наблюдается возвращение к архаическим и средневековым чертам осознания смерти. В это время тема смерти стала одной из ведущих в литературе. Во многом это объясняется самим сознанием XX века, которое приняло явные апокалиптические черты, вследствие чего эсхатологическое сознание столетия чрезвычайно обострилось.

На основе семиотических идей Ю.М.Лотмана о «поэтике обыденного поведения» и «сюжете смерти», а также — некоторых фактов жизни и данных переписки Грибоедова, можно наблюдать черты сходства жизни и смерти А.С. Грибоедова с литературным произведением. Не только современники и Ю.Тынянов, создавший биографическую повесть о Грибоедове «Смерть Вазир-Мухтара», видели в нем литературного героя, а в его жизни — увлекательную повесть с обилием различных сюжетных поворотов и историй, но что еще более важно, сам А.С. Грибоедов рассматривал себя как литературного героя и свою жизнь как литературную повесть. В этом смысле можно утверждать, что автор «Горя от ума» создал «живой роман», который закончился трагически его смертью в Тегеране. В этом произведении запечатлены литературные и поведенческие парадигмы его времени, отражены многие из тенденций и интересов романтической эпохи в России: дуэли в защиту чести благородного дворянина, путешествия в экзотические страны, либерализм в отношении к обиженным, показная народность и вместе с тем явный дендизм в отношениях со своим окружением, женитьба на грузинской княжне, состоявшаяся за год до смерти Грибоедова и т.д. Этот «живой роман», который писал сам Грибоедов, был постоянно в сознании его автора, рассматривавшего свою жизнь как литературное произведение, а, следовательно, и как семиотический объект.

Обобщая тему ответственности, столь важную для интерпретации смерти, в работе подчеркивается, что темы «Грибоедов и декабристы», «Грибоедов и смерть» несмотря на все попытки исследователей видеть в них однозначное решение, не могут получить определенный знак «минус» или «плюс». Стремление к однозначному решению этих вопросов, помноженное на желание

исследователей видеть заранее прогнозируемую величину, не может дать положительных результатов.

Ясным становится только одно: жизнь Грибоедова (включая тему декабризма) была чудовищным «экспериментом» (так метафорически названа в книге А.В. Лебедева служебная и творческая деятельность Грибоедова) [Лебедев 1990:245]. В связи с его политическими и творческими взглядами можно констатировать феноменальную непохожесть Грибоедова-драматурга и дипломата на обыкновенных людей. При этом в декабристскую типологию Грибоедов также не укладывается, он исключителен, потому и объяснен он может быть лишь как явление исключительное. Поэтому он не может быть объяснен до конца.

В исследовании подчеркивается, что личность А.С. Грибоедова как литератора и общественного деятеля может быть осознана адекватно и полно только в результате семиотического снятия оппозиционности (разрешения противоречия): героическая смерть явилась закономерным следствием жизни (восполнением жизни), литературная и общественная деятельность стала таковой для потомков как следствие осознанной процедуры исследования этой деятельности (восполнением деятельности). И в том, и в другом случае оппозиционность на выходе исследования должна быть в аутентичных условиях признана мнимой для достижения гармоничного результата (успешного семиозиса).

В **заключении** сформулированы основные результаты исследования (основные положения, выносимые на защиту), а также намечены дальнейшие перспективы в развитии данной проблемы как в теоретической, так и в практической сферах. Завершает диссертацию перечень статей и книг, цитируемых в работе и определивших научную концепцию диссертации.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов. Основные положения излагались на научных конференциях, заседаниях аспирантского совета.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях, одна из которых размещена в издании по списку ВАК:

1. Некоторые факты жизни А.С.Грибоедова как семиотические объекты исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика.- 2010, №4. С. 5-15.

2. Иерархические семиотические системы Ю.М.Лотмана в интерпретации жизненного и творческого пути А.С.Грибоедова // Функциональная семиотика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. Материалы международной научной конференции «II Новиковские чтения».- М.: РУДН, 2009. С. 33-37.

3. Идеи московско-тартуской семиотической школы в литературоведении // Личность в межкультурном пространстве. Материалы 4-ой международной конференции, посвященной 50-летию Российского Университета Дружбы народов.- М.: РУДН, 2009. С. 844-848.

4. Идея динамического восприятия текста Ю.М.Лотмана в интерпретации «Горе от ума» А.С.Грибоедова // Актуальные проблемы этнопсихологии. Материалы 6-ой конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.- М.: РУДН, 2010. С. 8-10.

5. «Культура-выражение-понимание»: метод Ю.М.Лотмана // Актуальные проблемы современного литературоведения. - Сборник статей молодых ученых.- М.: РУДН, 2010. С. 3-7.

6. Грибоедов как герой живого романа. – Сб. Литература XX века: Итоги и перспективы изучения. 9 Андреевские чтения. - М.:Экон-Информ,2011. (в печати, в соавторстве).

Ашрафи Рад Махмуд (Иран)

**Жизнь и творчество А.С. Грибоедова
как семиотический объект исследования**

В работе рассматривается жизнь и творчество А.С. Грибоедова как семиотический объект исследования. События или факты приобретают значение как часть определенной системы семиотических координат, как знаковые события в культурно-историческом пространстве России 20-х годов 19 века.

Основополагающими являются работы Ю.М. Лотмана, посвященные семиотике поведения. В качестве метода принимается концепция динамического восприятия текста, предполагающей единство автора и его текста. Единство семиотических оппозиций является условием корректной интерпретации в различных, в т.ч. отдаленных во времени, новых условиях культурного пространства. Проблемы традиционного грибоедоведения получают новую перспективу интерпретации при рассмотрении их как семиотических объектов (вопрос о происхождении, о гениальности, об отношении к декабризму, о смерти).

Ashrafi Rad Makhmood (Iran)

A.S. Griboedov's Life and Works as a semiotics object of research

In the dissertation the life and works by A.S. Griboedov are regarded as a semiotic object of research. The facts get value as a part of a certain system of semiotics coordinates, as significant events in the cultural-historical space of contemporary Russia.

At the heart of research lies the semiotics approach, its terminology and methods. J.M. Lotman's works devoted to semiotics of behavior are basic for the research. As a method is accepted the concept of dynamic perception of the text, assuming unity of the author and his/her text. The unity of semiotic oppositions is a condition for correctly interpreting life facts and texts in various conditions of cultural space, including kept away in time. The problems of traditional Griboedov's research receive new prospect of interpreting by considering them as semiotic objects (a question on his origin, on genius, on the relation to Decabrism, on his death).